

Александр Сопровский

из книги "ВСТРЕЧНЫЙ ОГОНЬ"

Знахло кровью резко, как известкой
 Во время капитального ремонта,
 Как хлороформом и ваттирем
 В целительном звонке у дантиста.
 Над городом стояли обложки,
 Прокручивалась лента у никитских,
 И человеку в плоскости экрана
 Приснился черно-белый русский воздух,
 Исполненный из съета и дождя.
 Снаружи мир был полон воробьями.
 Они клевали крошки из расселин
 Подтаявшего мусорного снега.
 Троллейбусные провода и дуги
 Расчетливо пересекали ветер. —
 И я подумал: мир документален,
 Как стенграмма сессии суда.
 И чудилось, как будто у прохожих
 От их предчувствий вздрагивали спины...

1975

Зима устала быть собой.
 И ей, за слабость эту,
 Приказано трубить отбой
 И дать дорогу лету.

Минуя стадию весны —
 Раздохье очевидцу! —
 Вступило столько тишины
 И зелени в столицу.

Шагнул бы в сторону и лег
 На пустыре взрослом —
 И век бы спал без задних ног
 И видел сны о прошлом...

Густеет сумрак лучевой,
 И посредине мая
 Смеется мальчик, ничего
 Не подразумевая.

Вот так кому-то невдомек,
 Вот так никто не в курсе,
 Какой назначен миру срок,
 Какие судьбы ткуют!

1977

Вступает флейта. Ветер. Дождь.
 Автобус на краю столицы.
 Ты долго к поручням идешь,
 Боясь на листьях оступиться.

Вошел и сел, не взяв билет —
 По стертой памяти, по близи...

Тебе уже не двадцать лет,
Не тридцать лет, не сорок даже.

Ты ни одной строки не стер
в театроведческом конспекте.
Природа учит, как актер,
искусству жить, искусству смерти.

Ты умер — а она опять
к игре без промаха готова.
Искусство жить и умирать —
Ее бессмертная основа.

...А близ дороги кольцевой —
Как ствол холодные осины.
И ты коснешься головой
Звонящих нитей паутины,

И ты приляжешь на ковер
И отдохнешь на перегное,
Еды предсмертный разговор
С охладевшей землей...

1975

Покуда мир о празднике не знает,
Ленивым полднем город оглушен.
И только снега блеск напоминает
О том, что день подписан и ремен.

А к вечеру — как бы по всей излучке
Стекает празники вниз, к монастырям.
Держу тебя за ласковые руки,
Сматры в глаза — и слов не говорю.

Замерзало небо куполом шатровым,
Лучась в остроконечной высоте,
И к нам оно протянуто покровом
И острием — к рождественской звезде.

1975

81° С.Ш.

I

В. Дмитриеву

Разойдется тоска, словно в оттепель треснувший лед,
И заплещет воде в императорском черном канале.
Я друзьям обещаю, что лучшее время придет.
Мы с годами рожденья — похожи, что на прогадали.

Мировой неприязни и твердого дружества час,
Как не смилось в античности римлянам или евреям.
Неузнали не видишь, какая удача для нас —
Небывалое простое, до ужаса ясное время?

Предреченные всадники держат коней под уздцы.
Трудовая гусеница готова к аварийной работе.
Нас с тобой ожидает, мой милый, твои истин,
Что пошкрябыв вечность — и то не сойдешь в расчете.

Так пока мы, живые, шагнем по мерзлым камням,
Разносим по широтам доменные песни и шутки,—
Кто посмеет пугать нас? о чем беспокоиться нам?
Вот беда, что нетет, не стихая, девятые сутки...

Но вскрывается море. Здесь тоже должно быть весна.
По закону природы наследное право бесспорно.
И милы мне в разлуке хитрая голубизна
Неспокойных очей над бараками иельского итория.

2

Из верхних окон — музыка во двор.
Горбатые ступени у подъезда.
Мой прежний мир, приставленный в упор
К очам твоим — без моего посредства.

Перехожу на круг небытия,
В электронок твоих воспоминаний.
Но я не мертв, и песенка твоя
Издалека слышна мне временами.

Так спой же мне, вскорми меня, вспои!
За волчий век и сорок раз бы умер,
Но круг друзей... но близкие мои... —
Мелодия в бензодвигательном шуме.

Так будь же мне верна на круге том —
Не зря он создан нашими руками —
Где встанет нам гостеприимный дом,
Как росчерк мой под этими строками.

Но сколько б нам ни выпало разлук,
Нам нужно ждать. Когда не мы — то кто же?
И жизнь не вкус — как музыка на слух.
Ну, спой же, спой... пойдешь со мной подольше...

3

С.Гиндлевскому

Вот и снова в предосенний день
Изобреден по глянцу площадей,
Поразмыслим, чем же год отмечен.
А земля нас тащит за собой
В орбитальный космос голубой.
Год нестой от нашей первой встречи.

Все родное — в памяти родней.
Во прекрасных августовских днях
Берегу тепло под полунубком.
Дорожу пожатием руки.
Против нас — не слабые враги
В этом крае, проданном и жутком.

В августе с друзьями посидим.
Напирок замысловатый дым
Тянется в распахнутые окна.
Канает на кухне самогон.
И огонь звата вознесен
В облака торжественно и вольно.

К высоте распространится речь.
Будет лето медленное — течь,
Завясе светлая — качаться...
В августе присядем у стола.
Лизань — она ведь все-таки была
И пока не думает кончиться.

1976

Лизань обрела привычные черты.
Что было нужно — за день изверстала.
Застольный шум, в середине — ты:
Слегка царить, но выглядишь устало.

Накрытый стол немало обещал.
Но разговор не ладился, как будто
Какой-то сговор нас отягождал,
Исподтишка вставая поминутно.

О Господи, как фантастичен быт!
Искривлены смеющиеся лица.
Кто с кем тут рядом и зачем сидит,
На что озабочен и чего боится?

Хозяшка, отсюда не взлетимь.
Оскалит рот насмешливая вечность.
Погресишь свет — и ясно различишь
За окнами таящуюся нечисть.

И вправду мир покажется тюрьмой,
Дыханье — счастьем, и прогулка — волей.
Что с нами происходит, доке мой,
На этом самом жутком из застолий?

Мерт. Ночь. Москва. Гостеприимный дом.
Отменный спирт расходится по кругу.
Хозяшка, слушай, а за что мы пьем,
Зачем мы здесь, и — кто мы все друг другу?

Пускай хоть выпьет каждый за свое
Под общий звон фужеров или фужок.
Я — пью за волчье сладкое житье,
За свет звезды над участью угрюмой.

Хозяшка! За звучным шогом — шог.
Земля — за нас. Она спружинит мягко.
И каждый дом — по крепкости, очег.
И смертный мир — не больше, чем временка.

1976

Заката рыжая полоска,
Как будто птица горихвостка
Взмахнула огненным пером
Над керосиновым ведром.
Ее усильем невесомым
Обочины озарены
Бесшумным заревом веселым
До появления луны.

Покуда нам нельзя на волю,
Пока в неволе ночи нет —
Остался свет на нашу долю,
Ночной предавгустовский свет.
Остался впрямь до мути зимней
Под осязаемой луной
На нашу долю — короб синий
Нагретый, звездный и земной.

Нам остнется месяц лето,
И можно ждать, как всякий год,
Пока багровый круг рассвета
Над хрупким дымом ни изойдет.
Мы в чистом воздухе окремим,
Как пробки, фортки отворяем —
И пьем рябиновый настой
С последней выжатой звездой.

В такие дни острее слышит
Немелки совести душе.
Над самым ухом осень дышит,
Листьями твердыми шуршит.
И веда, с зоркостью орлиной
На глаз отмерив крайний срок,
Надежду вылепить из глины
Размытых линиями дорог...

1975

ЧЕРНАЯ РАВНИНА

I

Земли осенней черные пласты
Еще не разворочены дождями.
Но знаю я и, верно, знаешь ты,
Каким ветрам орудовать над нами.
Еще пылят сентябрьские пути.
Еще звенит колодцем деревня.
Будь проклят день и час, когда... Прости,
Благословись, возлюбленное время.
Другого нет. И если разрешат,
А все скажу, что ночь мажоркова,
Пока в дремоте граждане лежат
На перепрях Московского вокзала.
Пока еще не холодно. Пока
К себе берет нас камень постепенно, —

Будь проклят!..

Не поднимется рука.
Родное время, будь благословенно.
Свистками черни воздух потрясен.
Смехом любовь, и ненависти — мало.
Но кто бы знал, что ладом тех времен
Благословенья лишь и не хватало...

2

За ночь ночь меня всего трясло.
Стряд берез держал границу леса.
Начало суток, новое число
Меня встречало дизгнем желез.
Неслись с окраин перые думы.
Гудки гудели. Грохотала трасса.
И думал я: вот-вот увидим мы,
Как от востока светится пространство,
Как юренье спрячется в полет,
Как небеса расхристаны и сиры
/И молодость — она не в нас живет,
Но где-то прежде — в молодости мира!/...
Меж тем, казалось, шум иной возник.
Вступил сталь каким-то новым ледом.
Я покидал березовый теньник
И торопился к каменным громадам.
И город был синим обогрен —
Едва заметным, но неоспоримым.
И я входил, как на заре времен,
И шел — как мытарь Иерусалимом.
Навстречу мне такие же, как я,
Спешили в озирение краснозвон.
И мы сходимся, как одна семья,
Где каждый был родным и виноватым.
Но мы родство твои в бездне глаз.
Движенья были сослепу недолжны.
И притекали новые из нас
К автобусной заветной остановке.
Любой дышал, как будто нову нас.
Походки тинки. Лица воспалены.
И вдалеке гремел мусоровоз,
Как будто поступь танковой колонны.
Нечистым газом был на-под крыла...
Казался воздух огненосней кремня.
Рассвет не шел. Закричилось время.
Дышало вечность, за сердце брало...

3

М.Кублановскому

Морозное солнце над серым вокзалом.
Дым на слепящих верхах.
И зелень листьев по садам обветшалым —
Серебряный блеск на листьях.

Откуда в столице такая погода
В октябрьские полуденный час?
С архивного полузабытого года
Такого не знают у нас.

И будто в беспомощных восьмидесятих —
Неведенья гнет. Но пока
Задуматься стоит о нищих солдатах,
Пока не воспето в стихах и плакатах
Матерное право штыка.

Пока листопад задевает со снегом
На семь московских вершин,
И смотрится жидким монгольским небом
Разъезды служебных машин.

.....

Об эту блаженную смутную пору
Нам чувствовалося зводно,
Что Богу живому иначе, как вору, —
Навстречу безыластия, голоду, мору, —
Прокрестясь сюда не дано.

По зову друзей, по звонкам телефонным,
Навстречу родным голосам воспаленным
Еще я срываться могу...
Но страшно взглянуть: под раскидистым кленом
Зеленые листья в снегу.

4

А.Цветкову

Нелей — и за старое выпей.
Неплый из уик-энд и поп-арт.
Уже сочиняет нам гибель
Далекий февраль или март.
Затем нас не глядят по шерстке,
Что сказано: время — вперед!
И ласточка взором пиконским
Обмерила твой самолет.../

О чем тебе снится, покуда
Два неба в растрехах очес,
Пока я с надеждой на чудо
В прожекторах ночи исчез?
И стигнул под зимние грозы
В родном до проклятья край.
Березы, березы, березы
Судьбу обступили мою.

Дворы наши в желтых сугробах.
Шурша, догнывает листья..
В беззвездных туманах багровых
Метелями бредит Москва.
Кому-то срываться в рыданье,
Хватаясь за воздух рукой.
Кому-то стекаться рядами
На сбор за Непрядую-рекой.

Мы сложем на черной равнине
В растрелянной светлой дали,
Обиравшись, как братья родные,
Чтоб чистой волной позывные
Сквозь крупчатый воздух прошли.

На рассвете зреним возбужденно,
Поднимаясь от сна, города.
Спи сегодня без гори и стона.
Спи по-прежнему. Спи, как тогда.
Как жилось нам одиножды, юмимы?
Небо в росчерках звездных хвостов,
И держали раздетую полночь
Напряженные руки мостов.

Так тепло, будто ветер на воле
Не гуляет вовсе за стеной.
Так беспмятно — крысы в подполье
Не спугнут нас до утра с тобой.
Только жадно сцепляются руки,
Да безвольно бормочут уста,
И слова, разлетаясь на звуки,
Рвутся прочь, как птицы из гнезда.

Несмысленная, враг мой любимый:
Ты, меж врок и карьерид
Нешто всё еще неутомимый
Резкий снег между нами летит?
Сердце мира спешащего, злого
Бьется в ритме столичного дня,
И устал от недоброго слова,
Только ветер и держит меня.

Разве зря в ту блаженную пору
Голоса пролагали следы
Сквозь осеннюю звездную свору
Над играющим невиской воды?
Сидим рядом и карты раскроем.
В ускользающий ныншний час
Эта память

да будет покоем
От зимы, ненавистицей нас.

Ты поминишь: мост, поставленный над черной
Неторопливо плещущей водой,
Колокола под шапкой золоченой
И резкий очерк башни угловой.
А там, вдаль, где небо полосато,
В многоязыком сумрачном огне
Прошла душа над уровнем заката
И не вернулась, прежняя, ко мне.

Когда же ночи темная громада
Всей синевой наливает на стекло,
Прихлынет космос веяньем распада —
И мокрый ветер дышит тяжело.
Но смерти нет... И от суда хранима,
Как будто куца в облачной дали,
В налетах дыма — черная равнина,
И пятна крови — в горячей пыли.
Вора мне знать: окупится не скоро,
Сверяя счет по суткам и годам,

Полночный труд историка и вора,
Что я живым однажды передам.

Нестанет день, и всё преобразится.
Зайдется сердце ерзать непонято.
И будет — мерт, и светлая вода
Размоет ребра адский и огред.
И поплывет — путей не разобрать —
Огромный город — мерой не измерить.
Как это близко: умирать и верить.
Как это длится: жить и умирать...

1976-1977

Воздух нечист, и расстроено время.
На рубежах ледяного апреля
Рвется судьбы перетертая нить.
Вот уж четырежды похолодало,
Только и этого холода мало,
Чтобы горячку души остудить.

Нет ни покоя, ни воли, ни света.
Я проживаю в беспамятстве где-то.
Веку не роняя, держусь навесу.
Песмурны днесь очертания мира...
Только объедки с умолкшего пире,
Да тишина в обившем лесу.

Как она там, соловьиная пера?
Был же закат — огненосная пожара,
Свечи берез и поляны алтари.
Как началось оно, это похмелье?
Только быстрее застучали недели:
Кутыми днями — от зари до зари.

Так горевать не пристало поэту.
Но за весну беспомощную эту
Копли дождя, будто капли сынище,
Плотно стуженный бессолнечный воздух,
Горечь ночей, ледяных и беззвездных —
Пей до конца... Допивай до конца.

1979

Любимая, считаю дни,
Минуты и часы до встречи.
Жеппень — откликнется далеко.
Поими, прислушайся, усни...

Сегодня август. И поверь:
Судьба моя такого рода,
Что, может быть, как раз теперь
Она и вправду идет исхода,

Вот-вот ударит надо мной
И кружит, не переставая, —
Так истребляет мутный зной
Зерниц этаке круговая.

Когда-то, на другой земле,
На рубеже другого лета
Я был — и в августовской мгле
Плыла зеленая планета...

Ты слышишь: листья шелестят
Бездумней, чувственнее, злее.
Взгляни на облака вдалеке —
Как на ветру они летят.

Когда б ты знала жизнь мою,
Ты поняла бы, что со мной:
Пора, пора! глаза закрою,
Замру у бездны на краю...

1977

Когда прилгут за мной небесных выводных
И скажут: — Вам пора. Все ваши песни сны,—
Возьмут мои стихи и пересчитают, а в них —
Одни рассветы да рассветы.

Вот так одиножды, когда прилгут за мной,
Завяну явственно в конце бесповоротном,
Как зори дней моих горят голубизной
В огне прекрасном и холодном.

Из то и речь моя, чтоб нам с утра глядеть
Во власти страхов и сомнений
На небо чистое, когда сквозь веток сеть
Забрезжит дивно свет осенний.

А воздух ясно зрим и гулом напоен,
И дворники листву размеренно сметают,
И крики черных птиц о давности времен
Отчетливо напоминают.

Теперь душа моя срывается туда,
Где нынче ветреней и небосвод — безгрозней,
И вновь беседовать выходят города
На языке рассветных кровель.

Ну что ж, сударыня! за мир, угодный нам,
За дружбу трепетную нашу —
Навстречу стынущим надменно временам
Завздравную поднимем чашу.

Чтобы упрямый луч победно засверкал
По жестяному скату крыши,
Чтоб солнце, задрожав поверхностью зеркал,
Осколки пламени распространяло выше.

1977; 1979